

П. И. Гайденко

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ О ВЛАСТИ НАСТОЯТЕЛЯ ДРЕВНЕРУССКОГО МОНАСТЫРЯ (XI–XIII ВВ.)

История древнерусского монашества находится только в самом начале своей разработки. Среди малоизученных институтов иноческой самоорганизации может считаться институт настоятелей обителей. Послушание руководителя иноческой общины предоставляло игумену монастыря не только широкие права. Оно накладывало на него и очень большие обязанности. В условиях русского раннего Средневековья сложность положения настоятеля во многом объяснялась прежним высоким социальным статусом целого ряда насельников, ограничивавшим, в глазах монахов, права игуменов в отношении таких черноризцев. Специфичным было и устройство большинства общин. В жизни монастырей нередко сочетались как формы общежития, так и высокая независимость некоторых иноков. Не менее остро стоял вопрос об источниках власти игумена: достигалась ли она через братское волеизъявление, или же доставалась иными способами. При всем сходстве полномочий большинства игуменов круг их реальных прав и возможностей не совпадал. Различия обуславливались влиянием множества факторов. Жизнь монастыря и утверждение игумена зависели, прежде всего, от сплоченности и воли самих насельников. Но в борьбу могли включаться и иные силы: ктитории, кафедры и княжеская власть. В представленной статье предпринята попытка рассмотреть некоторые стороны организации игуменской власти в монастырях домонгольской Руси. Основное внимание исследования сосредоточено на некоторых критериях, предъявлявшихся к кандидатам в игумены со стороны иночества и различных групп ктиторов.

Ключевые слова: История Русской Церкви, Киевская Русь, Древняя Русь, древнерусское монашество, организация древнерусского монастыря, выборы игумена в Древней Руси, церковные институты, каноническое право Древней Руси, монашеские уставы Древней Руси, ктиторские уставы на Руси.

Проблема власти настоятелей древнерусского мужского монастыря крайне редко привлекала внимание исследователей. Трудно сказать, что стало причиной такого невнимания к столь интересной проблеме, актуальность которой видится самоочевидной и не требующей специального обоснования. Тем не менее, можно насчитать лишь скудное число работ, авторы которых попытались внести хоть какую-то ясность в этот вопрос. Заметим, что древнерусское монашество XV–XVIII вв., как и последующих столетий, изучено несравнимо лучше.

Уже первое соприкосновение с заявленной темой обнаруживает, что простого решения вопросов организации игуменской власти на Руси не видится. Трудности возникают уже при начальном подступе к проблеме. О каких монастырях идет речь: самостоятельных или ктиторских? Где эти обители расположены? Как они создавались? Невозможно не учитывать цели, преследовавшиеся при организации обители и собирании иноческой общины. Не вызывает сомнения и то, что на организацию институтов управления монастырем и формирование игуменских властных полномочий, её объем и способы реализации влияли особенности личностей тех или иных настоятелей, их происхождение, опыт, взгляды и убеждения, касающиеся идеалов

Павел Иванович Гайденко — доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и философии Казанского государственного архитектурно-строительного университета, профессор кафедры гуманитарных дисциплин Казанского национального исследовательского технологического университета (paul08kaz@rambler.ru).

христианской жизни и монастырского устройства и т. д. Несомненно, власть игумена зависела и от того, кто её ему делегировал, и от того, как это оценивалось находящимися под его управлением черноризцами. Столь же сложно определиться с тем, о какой «власти» надлежит говорить: о канонической, о судебной или же об экономической и административной? Не менее острым видится и следующая группа вопросов: каким был объем этих властных полномочий, в какой форме и как интенсивно он выражался? Более того, существовало ли у современников затрагиваемого исторического периода понимание и различие власти фактической и формальной? Как оценивал свою власть сам игумен? Наконец, чем, кем и как таковая власть регламентировалась и ограничивалась? Перечень возникающих вопросов пестр и может утомить как своим числом, так и способностью создавать трудно преодолимые преграды. И всё же установление в обозначенной области определенной ясности способно в значительной мере облегчить понимание тех процессов, которые протекали в Древней Руси и внутри одного из важнейших его институтов, в монашестве.

При всей малоизученности заявленной проблемы в историографии нельзя сказать, что власть игуменов не получала отражения в источниках, прежде всего, агиографического характера: в патериках, в сказаниях и в житиях. Образы большинства настоятелей домонгольской Руси отражены в сказаниях Печерского патерика. Имена и образы игуменов сравнительно регулярно встречаются в записях как общерусского, так и местного летописания. Власть и деятельность игуменов и настоятелей, а также настоятельские полномочия обнаруживаются и прослеживаются в сюжетах житий святых Авраамия Смоленского, Антония Римлянина и Евфросинии Полоцкой, а также в первых частных актах и духовных, связанных с именами Варлаама Хутынского и уже упоминавшегося Антония Римлянина. Не меньше внимания уделено в источниках описанию игуменских обязанностей. Данная сторона настоятельской жизни прослеживается в первых канонических сводах митрополитов Георгия и Иоанна. Игумены фигурируют среди собеседников Кирика Новгородца и его преемников. Но особенно подробно полномочия настоятеля представлены в положениях Студийского устава. Наличие такого внимания современников к настоятелям во многом объясняется спецификой их положения во властной и политической иерархии Руси и, прежде всего, властных элит. Но помимо названных причин отмеченный интерес закономерен и по иным причинам. Составителями большинства дошедших до нашего времени письменных памятников были монахи. От воли и усилий настоятеля зависели материальное благополучие монашеской общины, а также судьбы братии, один из обетов которой предполагал послушание отцу-настоятелю. Фактически главы иноческих общин определяли распорядок жизни монастырей, выбирали уставы, ограничивали на территориях своих обителей власть архиереев и князей и даже в некоторых случаях вступали в конфронтацию с архиереями и даже «повелевали» епископами¹. Всё перечисленное — ничто

¹ При том что проблема конфликтов между общинами монастырей и епископскими кафедрами уже неоднократно привлекала внимание исследователей, субординационные отношения архиереев, священников и настоятелей монастырей до конца не прояснены. Весьма примечательный пример того, как настоятель мог обращаться со священником и даже с архипастырем, дает житие св. Евфросинии Полоцкой. Описывая решительность намерения княжны-инокини совершить постриги её родственниц, составитель сказания охарактеризовал волю преподобной не иначе как «повеление». И в такой форме св. Евфросиния обратилась не только к призванному иерею, но и даже к прибывшему в обитель епископу Дионисию (см.: Месяца мая в 23-й день житие преподобныя матери нашей Евфросинии // Жития святых в древнерусской письменности: Тексты. Исследования. Материалы / отв. ред., сост., вступ. ст. М. С. Крутовой. М.: ПСТБИ, 2002. С. 160, 165; Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам: в 3 т. М., 2007. Т. 1: Житие св. княгини Ольги. Степени I–X / отв. ред. Н. Н. Покровский, Г. Д. Ленхофф. С. 439, 444). При всем позднем возникновении данного агиографического произведения, вероятно, смешавшего реалии XII в. с действительностью позднейшего времени, едва ли повелительное отношение игумены к пастырю и святителю — результат поздних смысловых напластований. Пример подобного властного и неуважительного обращения монахов к священнику дан в Житии

иное как власть, феномен, которой обладает особой, принципиальной важностью при оценке жизни монашества и в конце концов его истории.

Источники игуменской власти

Власть игумена может быть рассмотрена как в экклезиологической, так и в историко-канонической плоскости. Обозначенные подходы хоть и не исключают друг друга, но по-разному расставляют исследовательские акценты. В итоге, если в первом случае дело видится вполне ясным: игуменство отражает собой образ смиренного Христа-пастыреначальника, то во втором варианте поиск ответов предполагает затрату значительно больших усилий. Игуменство, которое может рассматриваться и как священническая степень, и как монашеское послушание, в церковной и иноческой среде могло восприниматься и как административная должность², и как особое мистическое, благодатное монашеское служение³. Поэтому оценка административно-канонических и властных источников настоятельской власти не может быть дана без учета особого характера статуса главы иноческой общины.

Прежде всего, возникает вопрос: что и кто служили источниками власти игумена? Ответ на сформулированную проблему не прост, поскольку, как уже отмечалось, может разрешаться как в экклезиологической, так и в историко-канонической плоскости. Несомненно, власть игумена, делегировавшаяся в священном акте совершаемой святителем хиротесии или в монашеском избрании, сопровождавшемся не менее содержательными молитвословиями и символическими действиями, обнаруживалась божественное избрание, именуемое «благоволением»⁴. Одновременно

преподобного Феодосия (Житие Феодосия Печерского // Памятники литературы Древней Руси: XI — начало XII века / сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачёва. М., 1978. С. 362–365). Отголосок внутренней неприязни независимого Печерского игумена Поликарпа, позволившего себе мнение, отличное от святительского, по вопросу постов, и черниговского епископа Антония обнаруживается в сообщениях раннего русского летописания, в записях о неправом суде над настоятелем прославленной обители (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 354–356; Т. 2. Стб. 529–531). Отсутствие нарочитого почитания святительской власти со стороны игуменов присутствует и в иных сообщениях, прежде всего в категорических запретах на вмешательство архиереев во внутреннюю жизнь монастырей. Завещания свв. Антония Римлянина и Евфросинии Полоцкой недвусмысленно дают понять, что отношения настоятелей монастырей с епископами порой обладали специфическими чертами (о заклитии Евфросинии Полоцкой на кресте-мошевице см.: *Алексеев Л. В.* Крест преподобной Евфросинии Полоцкой // *Российская археология.* 1993. № 2. С. 70–78; *Гайденок П. И., Москалёва Л. А., Фомина Т. Ю.* Церковь домонгольской Руси: иерархия, служение, нравы. М., 2013. С. 108–109).

² Об игуменстве см. подробнее: *Литвинова Л. В.* Игумен // *Православная Энциклопедия.* М., 2009. Т. 21. С. 168–172.

³ Достаточно заметить, что в монашеской среде и сегодня постриг нередко воспринимается едва ли не как таинство (*Георгий (Шестун), архим.* Таинство монашеского пострига // Сайт Синодального отдела по монастырям и монашеству Русской Православной Церкви «Монастырский вестник». URL: <http://monasterium.ru/publikatsii/2013-06-03-11-13-12/2080-tainstvo-monasheskogo-postriga/> (дата обращения: 03.06.2017); *Иларион (Алфеев), митр.* Монашество как таинство Церкви // Портал Pravoslavie.ru. URL: <http://www.pravoslavie.ru/64415.html> (дата обращения: 03.06.2017). Уже только по этой причине восприятие монашества и вместе с ним и самого игуменства как некоего мистического служения вполне могло бы присутствовать на Руси. Такая точка зрения ясно и недвусмысленно обозначена в одной из работ С. В. Бондаря (*Бондарь С. В.* Антропологические воззрения св. Кирилла Туровского в контексте христианского учения о человеке // *Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях.* Альманах / под ред. д. и. н. П. И. Гайденок. СПб.; Казань, 2015. Вып. 4. С. 240–246). При том, что высказанная ученым точка зрения, основанная на некоторых положениях, имеющих место в творчестве Кирилла Туровского, не видится достаточно обоснованной, необходимо признать, что интуитивная догадка украинского исследователя по затронутой проблеме едва ли может быть отвергнута.

⁴ Современный чин поставления игуменов, воспринимающий древние практики архиерейского посвящения настоятелей монастырей, именует поставляемого в игумены как «раба», «его

поставление игумена отражало и формальное человеческое волеизъявление, выражавшееся в воле братии, ктитора или епископа⁵. Объясняя право монахов избирать себе игуменов, Савва Освященный утверждал, что такие действия не только не противостоят Божественной воле, но и соответствуют ей. Так, Печерский патерик подчеркивал, что при избрании братией Печерского монастыря Стефана вместо предложенной Феодосием кандидатуры пресвитера Якова была явлена не Божественная, а человеческая воля насельников⁶. Подобным же образом вкладывавшееся в уста прп. Антония Римлянина завещание, запрещавшее принимать игуменов, поставленных епископами и князьями без одобрения братии, настойчиво декларировало, что никакая отсылка к авторитету литургического действия⁷ не будет достаточной без согласия насельников монастыря. Судя по всему, в понимании прп. Антония или составителя данной житийной записи братское мнение, в отличие от патериковой истории, являло собой соборное решение. В епископском и княжеском выборе, шедшем вопреки братскому мнению, напротив, усматривали личные предпочтения власть имущих, мотивированные личными выгодами, мздой⁸. Примечательно, что не менее решительно братия Печерского монастыря отвергла предложенного Феодосием и завещанного ей в настоятели священника Иакова. Причина была понятна и проста. Иаков поступил в обитель уже будучи монахом, т. е. он не был постриженником этой прославленной обители⁹. Но в нашем случае важно иное. Священническое достоинство кандидата, выделявшее его из числа насельников и, вероятно, призванное по смерти Феодосия не допустить митрополичьей хиротонии, а вместе с ней и установления первосвятительской инвеституры над обителью¹⁰, не было принято братией в расчет. Более важным для иноков оказалось то, что Иаков был «чужим», а такая братская позиция

же благоволил еси» Господь (Чиновник архиерейского священнослужения: в 2 кн. М.: Изд-во Моск. Патриархии, 1982. Кн. 1. С. 221). Подобное же отношение к акту избрания игумена братией присутствует и в уставе Хиландарского монастыря (Хиландарский устав // Православная электронная библиотека портала Pravoslavie.ru. URL: <http://lib.pravmir.ru/library/readbook/2199> (дата обращения: 03.06.2017)). Что же касается Студийского устава, то он не просто закрепляет право братии ставить себе игумена, но и рассматривает его как Божественное (Текст Студийско-Алексиевского устава // *Пентковский А. М.* Типикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси. М.: Изд-во Моск. Патриархии, 2001. С. 392–393).

⁵ Студийский устав описывает избрание игумена братией из своей среды в скупых формулировках, но при этом он предполагает, что после своего определения монахи должны явиться к патриарху для утверждения и, вероятно, посвящения, рукоположения и хиротесии избранного настоятеля (Текст Студийско-Алексиевского устава... С. 393).

⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 177–178;

⁷ Поставление игумена святителем предполагало обязательность совершения хиротесии. Как правило, таковое священнодействие проводится во время общественного богослужения либо публично, хотя не обязательно в привязке к Литургии. Поэтому назначенный епископом настоятель в сане игумена был наделен от святителя не только благодатью священства, но и благодатными дарами игуменского служения (см. византийские чины поставления игумена: *Аранц Михаил Sj* Избранные сочинения по литургике: в 5 т. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2003. Т. 1: Таинства Византийского Евхология. С. 540–546).

⁸ «„Аще лучится избрати игумена, то избрати от братии, иже кто на месте сем терпитъ. И аще князь нашлет игумена, или епископъ по насилию, или по мзде, или брат нашъ от места сего, а начнет хотети игуменства, кроме братскаго соборного изволения, его же непроизволят братиа на игуменство“. Тоиже мздою или насилиемъ от князя или от епископа поставленъ будет, тех преподобнии проклятию предаетъ» (Сказание о житии преподобного Антония Римлянина // Святые русские римляне: Антоний Римлянин и Меркурий Смоленский / подг. текстов и исслед. Н. В. Рамазановой. СПб., 2005. С. 269; Духовная Антония Римлянина // Грамоты Великого Новгорода и Пскова / подг. к печати В. Г. Гейман, Н. А. Казакова и др.; под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1949. С. 159–161).

⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 176–177; Житие Феодосия Печерского... С. 386–387.

¹⁰ Вероятно, принятие из рук святителей игуменства воспринималось и осознавалось современниками как установление архиерейской инвеституры над монастырем (о святительской инвеституре над монастырями и борьбе епископов за влияние на монашество см. подробнее:

вполне соответствовала нормам студийского общежития, препятствовавшим избранию на игуменство лиц, принимавших постриг в иных монастырях¹¹. Подобная же человеческая воля являла себя в избрании князем Изяславом Ярославичем печерского инока Варлаама на игуменство в Дмитровский монастырь¹². Даже решение Смоленского епископа поручить игуменство своим монастырем священноиноку Авраамии, хоть и представлено в Сказании о его житии как результат особого Божественного Промысла о многотерпеливом черноризце, однако не было лишено и человеческого расчета¹³. Не менее интересно участие городского населения Киева¹⁴ и Новгорода¹⁵ в избрании архимандритов¹⁶, а в отношении новгородцев и низложение горожанами неугодных им настоятелей Юрьевского монастыря¹⁷. Последнее обстоятельство особенно примечательно, поскольку обнаруживает открытость русской обители для вмешательств в её быт и устройство со стороны городского населения и светских ктиторов. Впрочем, в рассматриваемом контексте игуменская власть черпала свой авторитет в большей мере не в акте хиротонии и хиротесии, а в силе и авторитете человеческого изъявления, являвшегося в воле братии, решении епископа, княжеского желания или мнении городского веча. Именно такие формы волеизъявления, кажется, воспринимались в качестве отражения Божественной воли.

Критерии выбора игумена

Высота игуменского положения, вводившего настоятеля монастыря в круг высшей церковной иерархии города, земли и даже Руси требовала того, чтобы настоятель общины обладал особыми качествами или оказался способным выполнять возлагавшиеся на него непростые функции и обязанности. Студийский устав, служивший одним из образцов организации монашества на Руси, вполне четко определял те формальные и неформальные критерии, которым должен соответствовать игумен¹⁸. Однако необходимо заметить, что положение настоятеля обители, как правило, оказывалось таковым, что было вынуждено удовлетворять самым разнообразным ожиданиям и требованиям, нередко противоречившим друг другу и исходящим от разных лиц, участвовавших в возвышении кандидата. Число ожиданий порой оказывалось таковым, что в большинстве спорных ситуаций не предполагало простого решения в форме братского волеизъявления, святительской санкции или решения горожан, видевших в своих намерениях законное право ктитора или донатора обители. И когда происходило наложение всех этих непростых намерений, согласие избирателей, судя по всему, достигалось в результате сложных переговоров. Наиболее наглядный пример подобной ситуации — история избрания на игуменство в Печерский монастырь киевского священника Василия. Печерский патерик рассматривает возникшую тогда проблему как результат отсутствия единства внутри самой братии. После смерти игумена Поликарпа насельники обители долгое время не могли прийти к согласию о кандидатуре нового настоятеля. В результате они были вынуждены

Фомина Т. Ю. Епископская власть в домонгольской Руси: истоки, становление, развитие. М., 2014. С. 160–176).

¹¹ Текст Студийско-Алексиевского устава // *Пентковский А. М.* Типикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси. М., 2001. С. 394.

¹² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 147.

¹³ Житие Авраамия Смоленского // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5: XIII век / под ред. Д. С. Лихачёва, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб., 2005. С. 52–55.

¹⁴ Киево-Печерский Патерик // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4: XII век / под ред. Д. С. Лихачёва, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб., 2004. С. 486–489.

¹⁵ ПСРЛ. Т. 3. С. 269, 278; *Янин В. Л.* Очерки истории средневекового Новгорода. М., 2008. С. 167.

¹⁶ *Щапов Я. Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М., 1978. С. 158–161.

¹⁷ См. подробнее: *Янин В. Л.* Очерки истории средневекового Новгорода... С. 164–176.

¹⁸ Текст Студийско-Алексиевского устава... С. 92–94.

прибегнуть к помощи городского духовенства, киевлян и митрополита. Только после сложных и продолжительных споров, в которых приняли участие помимо братии еще и горожане, а также русский первосвященник, сторонам удалось найти компромиссную фигуру в лице попа Василия¹⁹. Но и в последующих обстоятельствах, в постриге Василия, казалось бы, уже избранного кандидата, удовлетворявшего чаяниям всех, угадываются следы так и не угасшей борьбы митрополичьей кафедры с канонической независимостью Феодосиевой обители²⁰.

Очевидно, что жизнь большинства древнерусских обителей не была оторвана и изолирована от внешних сил. Вероятно, это объяснялось тем, что домонгольский период в истории Русской Церкви может рассматриваться как время становления самой церковной организации, в значительной мере еще лишенной внутреннего единства. Это же годы зарождения её канонического права. При всем старании княжеской власти в XI — первой трети XIII вв. ей так и не удалось разрешить проблему разграничения церковной, княжеской и городской юрисдикций. Возникавшая неопределенность и отсутствие твердых норм регулирования спорных вопросов особенно отчетливо видны в устройении древнерусского монашества. Духовная прп. Антония Римлянина, запрещавшая вмешательство во внутреннюю жизнь монастыря князей и епископа²¹, обнаруживает, что к моменту смерти прп. Антония, бывшего ктитором им же собранной общины²², правовое положение обители оказывалось таковым, что действия каждой из сторон: братии (коллективного собственника монастыря), епископа (обеспечение благочиния и соблюдение канонических норм) и князя (защита городских прав), — даже по такому важнейшему вопросу, как избрание игумена, было «по-своему» законным. Присятие внешнего управления или же отторжение его в значительной мере зависело от решения братии монастыря. В условиях господства прецедентного права даже единичное признание присланного князем или святителем игумена раз и навсегда лишало обитель автономии и самостоятельности, устанавливая над ним патронат стоявшей за новым аввой силы²³.

О том, насколько могли не совпадать интересы участвовавших в выборе игумена сторон, можно судить по тому, что они ожидали от обители и её настоятеля. А их запросы различались. Не вызывает сомнения то, что каждая из сторон стремилась обеспечить монастырю благоденственное существование. Но это не означает, что ими не могли двигаться и иные намерения. Впрочем, об этих целях можно лишь догадываться, основываясь главным образом на косвенных свидетельствах.

Ктиторы монастыря. Спектр ктиторов (устроителей и донаторов) монастырей и храмов был разнообразен. В нем можно обнаружить как князей и епископов, так и представителей самых разнообразных состоятельных слоев древнерусского

¹⁹ Киево-Печерский Патерик... С. 486–489.

²⁰ Галимов Т.Р. Русская церковная иерархия в княжеских междоусобицах середины XII — первой трети XIII вв. // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: История. 2012. Вып. 52. № 25 (279). С. 110.

²¹ Духовная Антония Римлянина... С. 159–161.

²² Данная Антония Римлянина Антониеву монастырю на землю у реки Волхова, купленную им у Смехна и Прохна Ивановых детей // Грамоты Великого Новгорода и Пскова... С. 159.

²³ В исторической литературе споры Антониева монастыря и епископской кафедры чаще всего рассматриваются как результат внутрицерковных процессов, обусловленных экономическими и административно-каноническими интересами. Но не менее интересно оценить действия епископа и князя с позиций права. С существенными оговорками приходится отметить, что попытку распространения княжеской или архиерейской юрисдикции на Антониев монастырь через присылавшихся ими игуменов (о чем так беспокоились первые настоятели Антоний и Андрей) с позиций современных юридических норм вполне допустимо оценивать в качестве своего рода «рейдерского захвата». Русское Средневековье не знало подобной квалификации действий, воспринимаемых сегодня как преступление. Однако предложенный взгляд позволяет понять не только драматизм ситуации, но и иное: обстоятельства, условия, причины, мотивы и механизмы распространения епископской власти на самостоятельные монастыри и ктиторские храмы.

общества. Заботы ктиторов о созданных или о находящихся на их содержании обителях объяснялись несколькими причинами. Во-первых, они были заинтересованы в молитвенном поминании, что требовало поддержания внутреннего строя обители и её духовных свобод. А во-вторых, вложения в монастырь или храм нуждались в их разумном использовании и сбережении. Таковые вклады еще нельзя рассматривать в качестве капитала, и всё же это было своего рода долговременное вложение, служившее, с одной стороны, в некоторых случаях родовым запасом, а с другой — средствами, призванными обеспечить содержание обители и её безбедное существование, т. е. доход. Во всяком случае, обитель была не столько собственником передававшегося ей имущества и недвижимости, сколько пользователем и распорядителем²⁴. В складывавшихся условиях, обеспечивая присутствие на игуменском послушании выгодной для себя личности, ктитор гарантировал и защищал благополучие сделанных «инвестиций»²⁵. Впрочем, выбор игумена со стороны ктитора мог объясняться и иным. Так, возвышение выведенного князем Изяславом на игуменство Варлаама летописцем объяснялось амбициями старшего сына Ярослава Владимировича. Князь желал, чтобы созданный им Дмитров монастырь превзошел своей славой и своим богатством все ранее учрежденные обители, в том числе Печерский монастырь²⁶. Более высокими видятся мотивы ктиторов, которые сами же были игуменами. Для них оставалось важным сохранение и поддержание монашеских идеалов, а также независимости от внешних сил и жизнеспособности созданной общины²⁷.

Интересы епископата. Не вызывает сомнения тот факт, что избрание и поставление игуменов было тесно связано с архиерейскими кафедрами, преследовавшими свои собственные интересы. В условиях слабости и зависимости епископата от воли горожан или княжеского изъявления расширение святительского влияния на монастыри необходимо рассматривать как одну из важнейших задач святительской власти XI–XIII вв. С точки зрения византийского права, полномочия епископата в организации монашеской жизни в границах округа не могут быть поставлены под сомнение²⁸. Однако реалии Руси были иными. Каноническая организация епископий отличалась узаконенной княжескими иммунитетам сложностью, допускавшей помимо архиерейской и множество иных юрисдикций, в свою очередь обладавших правами широкой автономии: княжеской, ктиторовских боярских, купеческих и уличанских

²⁴ Пётр (Гайденко), иером. Были ли епископат и духовенство Киевской Руси феодалами? // Православие в судьбе Урала и России: история и современность: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. (г. Екатеринбург, 18–20 апреля 2010 г.). Екатеринбург, 2010. С. 85–89; Филиппов В. Г. К вопросу об источниках материального обеспечения древнерусских монастырей // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: История. Вып. 52. 2012. № 25 (279). С. 115–123.

²⁵ Усилия ктитора по эффективному использованию передававшихся храмам и монастырям средств, а также по разумному распределению церковных доходов и регламентации вознаграждений за совершаемые службы хорошо прослеживаются в некоторых княжеских уставах. Наиболее наглядно это прослеживается в Уставе князя Всеволода купеческой организации церкви Ивана на Опоках (Устав новгородского князя Всеволода Мстиславича купеческой организации церкви Ивана на Опоках // Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / сост. Я. Н. Шапов, отв. ред. Л. В. Черепнин. М., 1976. С. 158–167).

²⁶ «Изяслав же постави монастырь . с[вя]т[а]го Дмитрея . и выведе Варлаама на игуменьство . къ с[вя]т[о]му Дмитрею . хотя створити вышши сего монастыря . надеяся б[о]гастве» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 147).

²⁷ На это указывает содержание завещания прп. Антония Римлянина и уставных положений прп. Варлаама Хутынского (Духовная Антония Римлянина... С. 159–161; [Устав] Преподобного Варлаама Хутынского, Новгородского Чудотворца // Амвросий (Орнатский), еп. Древнерусские иноческие уставы: Уставы российских монастырениачальников. М., 2001. С. 32–34).

²⁸ Максимович К. А. Законодательство императора Юстиниана I о монашестве (часть 1): новеллы V и LXXIX // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. 2007. Вып. 4 (20). С. 38–51; Максимович К. А. Новелла СХХIII св. императора Юстиниана I (527–565 гг.) «О различных церковных вопросах» (перевод и комментарий) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. 2007. Вып. 3 (19). С. 22–54.

самостоятельных монастырей и храмов и даже латинских миссий. Несомненно, что описанное положение в различных епископских центрах разнилось. Тем не менее, это не делало ситуацию проще, тем более, что существование подобных автономий, как уже отмечено, порой закреплялось княжескими грамотами или по меньшей мере волей князя²⁹. Если в конце XI — первой половине XII в. возникшую проблему пробовали разрешать через попытку усвоить митрополиту и епископу право решать вопросы церковного благочиния, поставив нравственную жизнь обителей, монашества и настоятелей под контроль святителя, что, впрочем, не предполагало обязательного вмешательства во внутреннюю хозяйственную, административно-каноническую и даже литургическую жизнь независимых храмов и обителей³⁰, то со второй половины XII в. действия местных епископов уже отличались решительностью и большей продуманностью³¹, что в совокупности стало постепенно, но неуклонно изменять ситуацию в пользу кафедр.

Поставление епископом игумена, или, по меньшей мере, обеспечение присутствия на столь важной должности лица, лояльного кафедре, имело для святителей принципиальное значение. Это не только расширяло полномочия архиерея и склоняло под его омофор новых представителей тех групп населения, которые попадали под категорию церковных людей³², но и позволяло кафедре устанавливать контроль

²⁹ Пожалуй, самый очевидный пример княжеского покровительства монастырю представлен в истории Печерской обители (см. подробнее: *Присёлков М. Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб., 2003). Не менее показательны нормы уже упоминавшегося Устава Варлаама Хутынского, также определявшего над обителью опеку князя, по меньшей мере, в вопросе утверждения игумена.

³⁰ Необходимо заметить, что целая череда древнерусских монастырей обладала собственными ктиторскими уставами, введенными без какого-либо участия местных епископских кафедр и наделявшими общины и их настоятелей широкой самостоятельностью (следы этих уставов хорошо прослеживаются в историях монастырей Антония Римлянина, Варлаама Хутынского, Евфросинии Полоцкой). Примечательно, что и Студийский устав был введен преподобным Феодосием фактически самостоятельно. Позднее летописное сообщение, извещающее о безусловном участии в этом деле митрополита Георгия, видится сомнительным, поскольку ни раннее летописание, ни Патерик об усилиях митрополита по введению Устава ничего не знают. Инок Михаил, списавший для Феодосия Устав, во время путешествия в Константинополь всего лишь путешествовал в обозе русского первоиерарха (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 148; Киево-Печерский Патерик... С. 322–323). Борьба с этой самостоятельностью монастырей хорошо прослеживается в законоположениях церковного Устава Ярослава Мудрого: «А что ся деет в монастырских делех, в церковных, в самех монастырех, да не вступается князь, ни волоститель, безатщина приидет к волостителю митрополичу» (Устав князя Ярослава о церковных судах [Пространная редакция. Основной извод] // *Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв.* / сост. Я. Н. Шапов, отв. ред. Л. В. Черепнин. М., 1976. С. 90). По сути, епископат через посредство авторитета князя Владимира (скорее всего, эти статьи были вписаны значительно позже) настаивает на своих правах решать вопросы в монастырях, обязывая иноков обращаться с запросами не к князю и к его людям, а к представителям митрополита.

³¹ Это выражается в целой череде строительстве церквей и поставлений игуменов. Обозначенный процесс хорошо прослеживается в Новгороде начиная с рукоположения Нифонтом Антония Римлянина.

³² Уже само акцентирование внимания Уставов Владимира и Ярослава на правах митрополитов в отношении игуменов и монахов дает понять, что вопрос об их подчинении кафедре стоял очень остро и, судя по введившимся статьям, решался неоднозначно, т. е. не всегда в пользу святительского суда (см. подробнее: Устав князя Владимира о десятинах, судах и людях церковных // *Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв.* / сост. Я. Н. Шапов, отв. ред. Л. В. Черепнин. М., 1976. С. 19; Устав князя Ярослава о церковных судах [Пространная редакция. Основной извод]... С. 89–90). Собственно, и 17-е положение Устава князя Всеволода о церковных судах также имело своей целью распространить права епископа не только на определенные слои горожан, но и на независимое духовенство и монастыри (Устав новгородского князя Всеволода о церковных судах, людях и мерилах торговых // *Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв.* / сост. Я. Н. Шапов, отв. ред. Л. В. Черепнин. М., 1976. С. 157). Иное, обозначенное положение не всегда выполнялось, как это случилось в истории венчания князя Святослава

над материальными ресурсами монастыря. О степени злоупотреблений ростовских архиереев, например, можно судить по панегирику, включенному его составителем в летописание. Епископы в этой пространной похвале почившему святителю Пахомию, составленной монахом, предельно откровенно сравнивались с ворами и волками, то есть с дьяволом³³. Подобное подчинение решало и иную не менее важную задачу: упраздняло в среде духовенства какую-либо оппозиционность, вновь-таки укрепляя власть святителя. Небезынтересно, что продолжительный период значительная часть монастырей и даже храмов оставалась неподотчетной епископу, присутствие которых не отмечалось летописанием даже во время их закладки либо рассматривалось как исключительное событие в жизни обители и целого княжества³⁴. В итоге, сама форма поставления игумена, которую можно рассматривать и как внутрицерковную инвестицию, фактически лишала монастыри автономии, вводя в них епископское управление, осуществлявшееся через настоятеля, должность которого через нескольких столетий, с XVIII в., приобретает уже иное наименование: «наместник» (представитель епископа), окончательно передав настоятельство в руки архиерея. Очевидно, что такое вмешательство архиереев вызывало в большинстве случаев, когда дело касалось самостоятельных монастырей, неприятие и протест. Они ясно обнаруживаются в конфликтах Печерского монастыря с местными митрополитами, а также в уже упоминавшихся запретах, наложенных прпп. Антонием Римлянином и Варлаамом Хутыньским на принятие игуменов от епископа. Правда, отношение прославленных новгородских настоятелей к княжеской власти не совпадало. Если прп. Антоний и его преемник Андрей категорически отказывались от кандидатур, определявшихся князем, то прп. Варлаам, напротив, обязывал братию заручаться его поддержкой. Примечательно, что по этому же пути пошел и находившийся на смертном одре прп. Феодосий, упросивший князя Святослава побеспокоиться о монастыре³⁵. Поддержкой князя в своем противостоянии с киевской кафедрой заручился еще один печерский игумен, Поликарп. В итоге содействием князя многострадальному Поликарпу был дарован титул архимандрита, выведший того из-под зависимости русского первосвященника и поставивший прославленного настоятеля на одну ступень с епископатом³⁶.

Намерения насельников обители. Братия монастыря также имела свои ожидания. Правда, к сожалению, необходимо отметить, она крайне редко высказывала свое мнение. Во всяком случае, только история Печерского монастыря сохранила примеры того, как насельники обители являют свою позицию в вопросе выбора игумена. Чаще же позиция братии оказывалась пассивной. Объяснить причину таких умонастроений и такой жизненной позиции довольно сложно. Об этом можно лишь догадываться. Вероятно, их безразличие, а именно этим можно объяснить появление категорических запретов прпп. Антония и Варлаама, объяснялось культивированием самих монашеских идеалов смирения и почтения перед святительской властью как преемницей апостольской благодати. Не исключено, что к такому поведению могли подталкивать и внутренние нормы жизни обители. Во всяком случае, тот же прп. Кирик Новгородец и полсловом не обмолвился о жизни родной обители, явив при этом пример предельно почтительного отношения к властному епископу Нифонту³⁷.

Ольговича. Получив отказ на церковный брак у Нифонта, князь был венчан «своими попами». Примечательно, что никто из княжеских священников за это не был наказан (ПСРЛ. Т. 3. С. 209).

³³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 439.

³⁴ Гайдено П. И., Москалёва Л. А., Фомина Т. Ю. Церковь домонгольской Руси: иерархия, служение, нравы... С. 43–54.

³⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 177–178.

³⁶ Присёлков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв... С. 220.

³⁷ Вопросы Кирика, Саввы и Ильи, с ответами Нифонта, епископа Новгородского, и других иерархических лиц // Русская историческая библиотека. Т. 6: Памятники канонического права. Ч. 1: Памятники XI–XV в. СПб., 1880. Стб. 25–26 [Кирик. 8]; Вопрошание Кириково (Перевод) // Мильков В. В., Симонов Р. А. Кирик Новгородец: учёный и мыслитель / Памятники

Вероятно, когда наступала черед стать свидетелями споров о кандидатуре очередного претендента на игуменское место, братия предпочитала удаляться от подобных споров. Примечательно, что знаменитый князь-инок Никола Святослава практически ни разу не отмечен как активный участник внутримонастырской жизни Печерской обители. Земные устремления большинства братьев были минимальны и ограничивались переживаниями о приличной для них пище, о сне и об общении с иными насельниками³⁸. При таких условиях ожидать от братии большинства монастырей чувства ответственности за вручаемое им наследие видится делом если не наивным, то уж, несомненно, завышенным.

Всё изложенное выше позволяет увидеть, что должность игумена имела, безусловно, ключевое значение в жизни обители. Передававшиеся монастырю средства, а также молитвенная жизнь монастыря были тем капиталом, который крайне высоко ценился в условиях жизни Средневековья. Не менее остро стояла проблема обеспечения единства и унификации церковного управления. В этих условиях положение игумена оказывалось крайне сложным и неоднозначным. Однако все высказанные идеи носят предварительный характер и нуждаются в дальнейшем уточнении.

Источники и литература

1. Алексеев Л. В. Крест преподобной Евфросинии Полоцкой // Российская археология. 1993. № 2. С. 70–78.
2. Аранц Михаил SJ Избранные сочинения по литургике: в 5 т. Т. 1: Таинства Византийского Ехология. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2003. 616 с.
3. Бондарь С. В. Антропологические воззрения св. Кирилла Туровского в контексте христианского учения о человеке // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях: Альманах / под ред. д. и. н. П. И. Гайденко. СПб.; Казань, 2015. Вып. 4. С. 197–281.
4. Вопросы Кирика, Саввы и Ильи, с ответами Нифонта, епископа Новгородского, и других иерархических лиц // Русская историческая библиотека. Т. 6: Памятники канонического права. Ч. 1: Памятники XI–XV в. СПб., 1880. Стб. 21–62.
5. Вопрошание Кириково (Перевод) // Мильков В. В., Симонов Р. А. Кирик Новгородец: учёный и мыслитель / Памятники древнерусской мысли: исследования и тексты. Вып. 7; отв. ред. И. А. Григорьева. М.: Кругъ, 2011. С. 413–428.
6. Гайденко П. И., Москалёва Л. А., Фомина Т. Ю. Церковь домонгольской Руси: иерархия, служение, нравы. М.: Университетская книга, 2013. 150 с.
7. Галимов Т. Р. Русская церковная иерархия в княжеских междоусобицах середины XII – первой трети XIII вв. // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: История. 2012. Вып. 52. № 25 (279). С. 104–114.
8. Георгий (Шестун), архим. Танство монашеского пострига // Сайт Синодального отдела по монастырям и монашеству Русской Православной Церкви «Монастырский вестник». URL: <http://monasterium.ru/publikatsii/2013-06-03-11-13-12/2080-tainstvo-monasheskogo-postriga/> (дата обращения: 03.06.2017).

древнерусской мысли: исследования и тексты; отв. ред. И. А. Григорьева. М., 2011. Вып. 7. С. 414 [Кирик 8].

³⁸ Б. А. Романов хоть и справедливо, но излишне строго оценивал жизнь древнерусских иноков. Между тем, и житие Феодосия Печерского, и проповеди Кирилла Туровского дают полные основания говорить о том, что проблема поддержания аскетических идеалов в иноческой среде не утрачивала своей актуальности на протяжении всего домонгольского периода (см. подробнее: Житие Феодосия Печерского... С. 336–339; Повесть Кирилла, многогрешного монаха, о белоризцах и о монашестве, о душе и о покаянии – Василию, игумену Печерскому // Колесов В. В. Творения бл. Кирилла Туровского. Притчи, слова, молитвы. Исследования и тексты / публ., коммент., предисл., пер. В. В. Колесова. М., 2009. С. 45, 51; Кирилла, епископа Туровского, сказание о черноризском чине из Ветхого Завета и Нового: того носит образ, а этого наполняет делами // Там же. С. 56, 63; Романов Б. А. Люди и нравы Древней Руси: историко-бытовые очерки. М.; Л., 1966. С. 161–168.

9. Данная Антония Римлянина Антониеву монастырю на землю у реки Волхова, купленную им у Смехна и Прохна Ивановых детей // Грамоты Великого Новгорода и Пскова / подг. к печати В. Г. Гейман, Н. А. Казакова и др.; под ред. С. Н. Валка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 159.
10. Духовная Антония Римлянина // Грамоты Великого Новгорода и Пскова / подг. к печати В. Г. Гейман, Н. А. Казакова и др.; под ред. С. Н. Валка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 159–161.
11. Житие Авраамия Смоленского // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5: XIII век / под ред. Д. С. Лихачёва, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексева, Н. В. Поньрко. СПб.: Наука, 2005. С. 30–65, 456–459.
12. Житие Феодосия Печерского // Памятники литературы Древней Руси: XI — начало XII века / сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачёва. М.: Художественная литература, 1978. С. 305–392, 456–458.
13. *Иларион (Алфеев), митр.* Монашество как таинство Церкви // Портал Pravoslavie.ru. URL: <http://www.pravoslavie.ru/64415.html> (дата обращения: 03.06.2017).
14. Киево-Печерский Патерик // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4: XII век / под ред. Д. С. Лихачёва, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексева, Н. В. Поньрко. СПб.: Наука, 2004. С. 296–489, 641–667.
15. Кирилла, епископа Туровского, сказание о черноризском чине из Ветхого Завета и Нового: того носит образ, а этого наполняет делами // *Колесов В. В.* Творения бл. Кирилла Туровского. Притчи, слова, молитвы. Исследования и тексты / публ., коммент., предисл., пер. В. В. Колесова. М.: Палея, 2009. С. 53–64.
16. *Литвинова Л. В.* Игумен // Православная Энциклопедия. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2009. Т. 21. С. 168–172.
17. *Максимович К. А.* Законодательство императора Юстиниана I о монашестве (часть 1): новеллы V и LXXIX // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. 2007. Вып. 4 (20). С. 38–51.
18. *Максимович К. А.* Новелла СХХIII св. императора Юстиниана I (527–565 гг.) «О различных церковных вопросах» (перевод и комментарий) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. 2007. Вып. 3 (19). С. 22–54.
19. Месяца мая в 23-й день житие преподобныя матери наша Евфросинии // Жития святых в древнерусской письменности: Тексты. Исследования. Материалы / отв. ред., сост., вступ. ст. М. С. Крутовой. М.: ПСТБИ, 2002. С. 153–169.
20. *Пётр (Гайденко), иером.* Были ли епископат и духовенство Киевской Руси феодалами? // Православие в судьбе Урала и России: история и современность: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. (г. Екатеринбург, 18–20 апреля 2010 г.). Екатеринбург: ИИА УрО РАН; Изд-во Екатеринбургской епархии, 2010. С. 85–89.
21. Повесть Кирилла, многогрешного монаха, о белоризцах и о монашестве, о душе и о покаянии — Василию, игумену Печерскому // *Колесов В. В.* Творения бл. Кирилла Туровского. Притчи, слова, молитвы. Исследования и тексты / публ., коммент., предисл., пер. В. В. Колесова. М.: Палея, 2009. С. 41–52.
22. Полное собрание русских летописей. Т. 1: Лаврентьевская летопись. М.: Языки славянской культуры, 2001. 496 с.
23. Полное собрание русских летописей. Т. 2: Ипатьевская летопись. М.: Языки славянской культуры, 2001. 648 с.
24. Полное собрание русских летописей. Т. 3: Новгородская летопись старшего и младшего изводов. М.: Языки славянской культуры, 2000. XII, 720 с.
25. *Присёлков М. Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб.: Наука, 2003. 246 с.
26. Сказание о житии преподобного Антония Римлянина // Святые русские римляне: Антоний Римлянин и Меркурий Смоленский / подг. текстов и исслед. Н. В. Рамазановой. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С. 233–272.

27. Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам: в 3 т. Т. 1: Житие св. княгини Ольги. Степени I–X / отв. ред. Н. Н. Покровский, Г. Д. Ленхофф. М.: Языки славянских культур, 2007. 598 с.
28. Текст Студийско-Алексиевского устава // *Пентковский А. М.* Типикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси. М.: Изд-во Моск. Патриархии, 2001. С. 333–420.
29. Устав князя Владимира о десятинах, судах и людях церковных // *Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв.* / сост. Я. Н. Щапов, отв. ред. Л. В. Черепнин. М.: Наука, 1976. С. 16–19.
30. Устав князя Ярослава о церковных судах [Пространная редакция. Основной извод] // *Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв.* / сост. Я. Н. Щапов, отв. ред. Л. В. Черепнин. М.: Наука, 1976. С. 85–91.
31. Устав новгородского князя Всеволода Мстиславича купеческой организации церкви Ивана на Опоках // *Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв.* / сост. Я. Н. Щапов, отв. ред. Л. В. Черепнин. М.: Наука, 1976. С. 158–167.
32. Устав новгородского князя Всеволода о церковных судах, людях и мерилах торговых // *Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв.* / сост. Я. Н. Щапов, отв. ред. Л. В. Черепнин. М.: Наука, 1976. С. 153–158.
33. [Устав] Преподобного Варлаама Хутынского, Новгородского Чудотворца // *Амвросий (Орнатский), еп.* Древнерусские иноческие уставы: Уставы российских монастырениачальников. М.: Северный паломник, 2001. С. 32–34.
34. *Филипов В. Г.* К вопросу об источниках материального обеспечения древнерусских монастырей // *Вестник Челябинского государственного университета. Серия: История.* Вып. 52. 2012. № 25 (279). С. 115–123.
35. *Фомина Т. Ю.* Епископская власть в домонгольской Руси: истоки, становление, развитие. М.: Университетская книга, 2014. 360 с.
36. Хиландарский устав // Православная электронная библиотека портала Pravoslavie.ru. URL: <http://lib.pravmir.ru/library/readbook/2199> (дата обращения: 03.06.2017).
37. Чиновник архиерейского священнослужения: в 2 кн. М.: Изд-во Моск. Патриархии, 1982. Кн. 1. 251 с.
38. *Щапов Я. Н.* Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М.: Наука, 1989. 232 с.
39. *Янин В. Л.* Очерки истории средневекового Новгорода. М.: Языки славянских культур, 2008. 400 с.

Pavel Gaidenko. Some Comments on the Authority of the Abbot in Medieval Russian Monasteries (XIth to XIIIth Centuries).

The history of medieval Russian monasticism is only now beginning to be studied. Among those institutions of monastic self-organization that remain poorly studied is the institution of abbots of monasteries. Obedience to the head of the monastic community provided the abbot of the monastery not only with broad rights, but also imposed on him a very great responsibility. In the conditions of the Russian early Middle Ages, the complexity of the abbot's position was largely explained by the former high social status of a number of the monasteries residents, which, in the eyes of monks, limited the authority that the abbots could exercise over such monastics. The structure of most communities was also specific. In the life of the monasteries, both the forms of cenobitic monasticism and the high independence of certain monks were often combined. No less acute was the question of the sources of power of the abbot: was it achieved through a brotherly expression of will, or was it obtained in other ways? Despite the similarity between the powers of the majority of abbots, their real rights and opportunities could be quite different in practice. Differences were due to the influence of many factors. The life of the monastery and the approval of the abbot's work depended, first of all, on the unity and will of the monastics themselves. But other forces could be included in the struggle: founders, diocesan authorities, and the power of princes. In this article, an attempt is made to examine some aspects of the organization of the position of abbot in the monasteries of pre-Mongol Invasion Russia. The main focus

of the study is some of the criteria that were applied to candidates for abbot by monastics and various groups of founders.

Keywords: history of the Russian Church, Kievan Rus, medieval Russia, medieval Russian monasticism, organization of medieval Russian monasteries, election of abbots in medieval Russia, church institutes, canon law in medieval Russia, monastic typica in medieval Russia, founders' typica in medieval Russia.

Pavel Ivanovich Gaidenko — Doctor of Historical Sciences, Assistant Professor at the Department of History and Philosophy at Kazan State University of Architecture and Construction, Professor at the Department of the Humanities of Kazan National Technical Research University (paul08kaz@rambler.ru).